Макаревич Игорь

22.05.97.

Биографическая справка: Тамарбаева – [illegible] дома культуры "Мир [illegible]" [illegible]

Биографическая справка: Николаева – режиссер циркового коллектива культурного центра акционерного общества "Автодиа[illegible]" Ростовская область.

В светлое завтра без Буратино

Культура – 1997. 22 мая – с. 4

Наталья СЕЛИВАНОВА

Один из лидеров московского концептуализма Игорь Макаревич на днях презентовал третью часть своего проекта, посвященного жизни Буратино.

Первая часть, задуманная совместно с женой – художницей Ириной Елагиной, показывалась в Русском музее в 1994 году. Затем большая инсталляция переехала в Москву, чуть позже в Германию. В начале пути, как и положено, сказочный персонаж Коллоди и А.Толстого у Макаревича выступает в роли дерзновенного провозвестника новой жизни. Иллюзии и мечты, надежды и планы на будущее вскоре сменяются разочарованиями и уходом в себя. Поэтому на второй выставке "Лигномания", состоявшейся в "XL" в прошлом году, мы видели уже не революционера и авангардиста, а сломленного, стареющего человека, пережившего крах очередной мечты человечества о светлом завтра и ушедшего в темную область различных перверсий, в том числе и сексуального характера. Тема Пиноккио, прямо скажем, слишком связана с русской историей, изобилующей примерами захлебнувшихся революций. Однако выраженный с помощью серии постановочных фотографий (в ней Макаревич детально запечатлел все стадии ухода из жизни любимого героя) тезис о неотвратимости нравственной и физической расплаты устрашает и одновременно придает масштаб личности реформатора. Оценивая третью часть проекта – "Homo Lignum", – только ленивый не упрекнет художника во вдруг возникшей у него склонности к некрофилии. Между тем про "этот сюрреализм" как раз все понятно. Начатую писателями-классиками историю Макаревич мистифицирует на ходу, точно используя социальные и художественные аллюзии. Искусство, по словам мастера, это узаконенная сфера обмана, и только здесь главенствует право автора на различные толкования и финалы, включая обстоятельства гибели героя. Причем "этим умершее доказывает, что жило, а без смерти доказательство не очевидно". Стоит добавить, что подобную мысль разделяют Дмитрий Александрович Пригов и Владимир Сорокин, придавая сентенции статус нового направления в московском концептуализме.

Сам художник, предоставляя зрителю возможность рассматривать фотографии без дополнительных комментариев (на выставке отсутствуют названия работ), все-таки надеется найти выход даже из этого конца. Сейчас можно только гадать, каким станет новый поворот в "жизни после жизни" Буратино. Между тем, зная, как мастер владеет различными техниками – от живописи и инсталляций до литографий и офортов, – подробно прорабатывает задуманное и ставит точку, лишь убедившись в художественной целостности вещи, мы вправе предположить уникальное сочетание полета фантазии, стройности сюжета и его творческого воплощения.

ФОТО А. ВОРОБЬЕВА

387